

Герхарт Гауптман
—
**Перед
ВОСХОДОМ СОЛНЦА**

Москва
2023

УДК 821.112.2-2
ББК 84(4Гем)-6
Г24

Gerhart Hauptmann
VOR SONNENAUFGANG
DIE VERSUNKENE GLOCKE

Перевод с немецкого
Галины Снимщиковой, Константина Бальмонта
Художественное оформление серии
Степана Костецкого

Гауптман, Герхарт.
Г24 Перед восходом солнца / Герхарт Гауптман ;
[перевод с немецкого Г. Снимщиковой, К. Баль-
монта]. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Яркие
страницы).

ISBN 978-5-04-190143-1

Герхарт Гауптман — популярный немецкий писатель, драматург и поэт — получил широкую известность не только в Европе, но и в России уже начала XX века.

Драма «Перед восходом солнца» рассказывает о фермерской семье, разбогатевшей на продаже угля.

У Гофмана Краузе скоро появится наследник. Чтобы помочь беременной сестре, Елена возвращается в родительский дом и ужасается: финансовое благополучие привело семью Краузе к вырождению и алкоголизму. Неожиданно Гофмана навещает друг юности Альфред Лот, убежденный трезвенник и интеллектуал, с которым, кажется, Елена сможет вырваться из ненавистного поселка.

УДК 821.112.2-2
ББК 84(4Гем)-6

© Г. Снимщикова, перевод
на русский язык, наследники, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-190143-1

Перед восходом СОЛНЦА

Социальная драма в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Краузе — владелец хутора.

Фрау Краузе — его вторая жена.

Елена и Марта — дочери Краузе от первого брака.

Гофман — инженер, муж Марты.

Вильгельм Кааль — племянник фрау Краузе.

Фрау Шпиллер — приживалка фрау Краузе.

Альфред Лот.

Доктор Шиммельпфенниг.

Бейбст — работник в имении Краузе.

Густа, Лиза и Мария — служанки в имении Краузе.

Баэр — по прозвищу Гопля-Баэр.

Эдуард — слуга Гофмана.

Миля — горничная фрау Краузе.

Жена возчика.

Голиш — по прозвищу Гош, подпасок.

Посыльный.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната с низким потолком. На полу дорогие ковры. Обстановка новомодная, но на крестьянский лад. Картина, висящая на стене, изображает повозку с четверкой лошадей, управляемых возницей в синей блузе.

М и л я, крепко сложенная крестьянская девка, с несколько туповатым выражением красного лица, открывает среднюю дверь и впускает Альфреда Лота. Лот — широкоплечий, коренастый человек среднего роста с решительными, но несколько неуклюжими движениями. Белокурый, глаза голубые, усики — белесые, жидкие. Его худое лицо выражает ровное, спокойное состояние духа. Одет аккуратно, хотя и немного старомодно. На нем летнее пальто, через плечо сумка, в руках палка.

М и л я. Входите, пожалуйста! Сейчас я позову господина инженера. Не угодно ли присесть?

Рывком открывается стеклянная дверь. Деревенская баба с багровым от ярости лицом врывается в комнату. Она одета немногим лучше прачки. Голые красные руки, синяя ситцевая юбка с корсажем, красный в крапинку шейный платок. Ей немного за сорок, у нее злое, чувственное, грубое лицо, относительно хорошо сохранившаяся фигура.

Фрау Краузе *(кричит)*. Эй, девки!.. Ну так и есть!.. Одно горе с этим бабьем!.. Пшел отсюда! Мы не подаем!.. *(Обращается то к Миле, то к Лоту.)* У кого есть руки, тот может работать. Пшел прочь! Нет у нас ничего!

Лот. Позвольте, хозяйка... вы ведь... я... моя фамилия Лот, я... хотел бы... у меня ни малейшего намере...

Миля. Они желают говорить с господином инженером.

Фрау Краузе. Знаю-знаю, хочет выклянчить у зятя... А у того у самого ничего нет, все здесь наше, не его!

Открывается дверь справа.

Гофман *(высовывает голову)*. Мамаша! Я попросил бы... *(Выходит, идет к Лоту.)* Что вам угод... Альфред! Это ты, дружище? Боже праведный, ты?! Вот это... Вот это ты здорово придумал!

Гофману года тридцать три. Он высокого роста, стройный, худощавый, одевается по последней моде, чисто выбрит и изящно причесан, на пальцах дорогие кольца, в манишке булавка с бриллиантом, на часовой цепочке брелоки. Волосы и усы у него черные и выхлеленные. Черты лица острые, как у птицы, выражение неопределенное, глаза черные, живые, по временам беспокойные.

Лот. Я, собственно говоря, совсем случайно...

Гофман *(взволнованно)*. Очень, очень приятно... Но прежде всего разденься! *(Пытается снять с него сумку.)* Такой приятный сюрприз... *(Взяв у Лота шляпу и палку, кладет их на стул возле двери.)* Лучше

не придумать. *(Возвращаясь.)* Лучше прямо ничего не придумать...

Л о т *(снимая с себя сумку)*. Я, собственно говоря... Я совершенно случайно завернул... *(Кладет сумку на стол, стоящий на переднем плане.)*

Г о ф м а н. Садись, пожалуйста! Ты, верно, устал. Садись, прошу тебя!.. Ты помнишь? Когда ты меня навещал, у тебя всегда была привычка бросаться на диван так, чтоб пружины трещали... Иногда они даже лопались. А ну-ка, покажи, как ты это делаешь!

Фрау Краузе смотрит на них с изумлением и затем уходит. Лот усаживается в одно из кресел, стоящих вокруг стола на переднем плане.

Выпьешь чего-нибудь? Говори, чего тебе?! Пива? Вина? Коньяку? Кофе? Чаю? В этом доме есть все.

Из зимнего сада, читая, входит Е л е н а. Ее высокая, несколько плотная фигура, белокурые, необыкновенно пышные волосы, выражение лица, модная одежда, движения, да и весь ее облик — не могут скрыть ее крестьянского происхождения.

Е л е н а. Послушай, зять, не мог бы ты... *(Замечает Лота и быстро отступает.)* Ах, простите, пожалуйста! *(Уходит.)*

Г о ф м а н. Останься, останься же!

Л о т. Это твоя жена?

Г о ф м а н. Нет, сестра жены. Разве ты не расслышал, как она меня величала?

Л о т. Нет.

Г о ф м а н. Хороша! Верно?.. Но скажи все же, чего тебе: кофе, чаю, грогу?

Л о т. Спасибо, спасибо за все.

Гофман (*предлагает сигары*). Но от сигары ты не откажешься? Как, тоже не хочешь?

Лот. Спасибо, нет.

Гофман. Завидная нетребовательность! (*Закуривая сигару.*) Это пе... пепел, то есть этот табак... Ах, черт, я хотел оказать — дым... этот дым тебя не беспокоит?

Лот. Нет.

Гофман. Если бы у меня не было хоть этого... ах, боже, этой искорки жизни!.. Но, сделай милость, расскажи что-нибудь... Целых десять лет... Ты, впрочем, очень мало изменился... Десять лет — чертовски большой кусок времени... А что поделывает, как его, Шну... Шнурц, кажется, так мы его звали? А Фипс... и вся наша тогдашняя веселая банда? Сохранил ли ты хоть кого-нибудь из них в поле зрения?

Лот. А разве ты ничего не знаешь?

Гофман. Чего?

Лот. Да что он застрелился.

Гофман. Кто? Кто еще застрелился?

Лот. Фипс! Фридрих Гильдебрандт.

Гофман. С чего бы это?

Лот. Да, он застрелился!.. В Грюневальде, в очень красивом месте на берегу Гафельзее. Я был там, отсюда видно Шпандау.

Гофман. Гм!.. Вот уж не ожидал бы от него такого, он ведь никогда не был героем.

Лот. Поэтому он и застрелился... Он был совестливым, очень совестливым человеком.

Гофман. Совесть? При чем здесь она?

Лот. Именно она... Не будь ее, он бы не застрелился.

Г о ф м а н. Я не совсем понимаю.

Л о т. Ты, верно, еще помнишь, какого цвета были его политические убеждения?

Г о ф м а н. По-моему, зеленого.

Л о т. Конечно, ты можешь считать их незрелыми. Но в одном ты ему не откажешь, — он был талантливый малым... Пять лет работал штукатуром, затем еще пять голодал, так сказать, на свой страх и риск и при этом лепил маленькие статуэтки.

Г о ф м а н. Ужасные вещи. Я хочу, чтобы искусство веселило меня... Не-ет! Искусство такого сорта мне не по вкусу.

Л о т. Мне оно тоже было не по вкусу, но он стоял на своем. Прошлой весной был объявлен конкурс на памятник. Надо было увековечить какого-то сиятельного князька. Фипс принял в нем участие и получил премию. Вскоре он и застрелился.

Г о ф м а н. При чем же тут совесть, мне что-то неясно... Я могу назвать это только блажью... червоточиной... сплином... чем-то таким.

Л о т. Да, именно таково и всеобщее мнение.

Г о ф м а н. Мне очень жаль, но я не могу не присоединиться к нему.

Л о т. Ему теперь совершенно безразлично, что...

Г о ф м а н. Ах, оставим это. Мне его так же жалко, как и тебе, но... ведь он уже все равно мертв, этот славный парень... Расскажи мне лучше о себе, что ты делал, как тебе жилось?

Л о т. Со мной все было так, как я того и ожидал... Разве ты ничего обо мне не слышал?.. Не читал в газетах?

Г о ф м а н (*несколько смущенный*). Нет, ничего.

Л о т. Ты ничего не знаешь о лейпцигской истории?

Г о ф м а н. Ах, об этом!.. Да!.. Я хочу сказать... ничего точного.

Л о т. Так вот дело обстояло так...

Г о ф м а н (*берет Лота под руку*). Слушай, прежде чем ты начнешь... Ты в самом деле не хочешь ничего выпить?

Л о т. Может быть, позднее.

Г о ф м а н. А рюмочку коньяку?

Л о т. Ну, нет. Уж этого ни в коем случае.

Г о ф м а н. А я пропущу рюмочку... Нет ничего лучше для желудка. (*Достает из буфета бутылку и две рюмки и ставит их на стол перед Лотом.*) Рекомендую, Grand Champagne, лучший сорт... Может, отведаешь?..

Л о т. Благодарю.

Г о ф м а н (*залпом выпивает рюмку*). Э-эх!.. Ну, а теперь я весь внимание.

Л о т. Одним словом... влетел я тогда здорово.

Г о ф м а н. Кажется, на два года?!

Л о т. Именно! Но ты, видно, все знаешь. Я получил два года тюрьмы, а потом меня еще выгнали и из университета. Мне тогда исполнился двадцать один год... Ну, что же, за эти два года тюрьмы я написал свою первую книгу по вопросам народного хозяйства. Не скажу, что мне доставило большое удовольствие сидеть за решеткой, врать не буду.

Г о ф м а н. Ну как мы могли быть такими! Просто удивительно! Надо же всерьез вбить себе такое в голову. Все это было чистейшее ребячество, ты понимаешь меня!.. Переселиться в Америку нам, дюжине

желторотых! Нам основать образцовое государство! Восхитительный спектакль!

Л о т. Ребячество?! Как тебе сказать!.. В некотором отношении это было действительно ребячеством! Мы не подготовились ко всем трудностям такого дела.

Г о ф м а н. А то, что ты действительно с голыми руками совершенно серьезно отправился в Америку... Ну подумай только, что это значит — с голыми руками приобрести в Америке землю для образцового государства. Ведь это же почти идио... Во всяком случае, это весьма наивно.

Л о т. А между тем я вполне удовлетворен результатами своей поездки в Америку.

Г о ф м а н (*хохочет*). Лечение холодным душем, ты это имеешь в виду?..

Л о т. Возможно, что мой пыл немного охладили, но ничего особенного со мной не случилось. Каждый человек должен пройти через свои разочарования. Но я далек от того, чтобы отрицать пользу этих... ну, скажем, горячих времен. Они были вовсе не такими уж наивными, какими ты их себе представляешь.

Г о ф м а н. Не знаю, разве?!

Л о т. Вспомни только все тогдашние ребячества: разноцветные корпорации в университете, пьянство, драки. Чего ради был весь этот шум? Как любил говорить Фипс: что нам Гекуба?.. Но речь шла вовсе не о Гекубе. Мы стремились к самым высоким человеческим идеалам. И, несмотря ни на что, это наивное время помогло мне начисто освободиться от предрассудков. От религиозных иллюзий, и от мнимой морали, и от многого еще...